

Владимир Нестеренко
Марина Нестеренко

Р
А
С
ТАЙНА
П
Я
Т
И
Я

18+

Марина Нестеренко Владимир Нестеренко Тайна распятия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68949969

SelfPub; 2023

Аннотация

Триллер и мистика всегда рядом и способны ворваться в жизнь обычного человека, как это случилось с талантливым московским хирургом-онкологом Иваном, вступившим в противоборство с силами, стремящимися к безраздельной власти и порабощению человеческого духа. В этой борьбе ему противостоит не менее талантливый ученый Борис. Как быть, если против вас все и вся, а вы не Джеймс Бонд?.. Погони, любовные истории, пороки, тайны спецслужб, присутствие демонических сил – на всем протяжении романа герои делают выбор между добром и злом, правдой и ложью, верностью и предательством, верой и отречением. Но иногда только эта дорога ведет к спасению.

Владимир Нестеренко, Марина Нестеренко Тайна распятия

Глава 1

Иван с удивлением обнаружил, что лежит на каменистой земле, из которой кое-где пробивались зеленые травинки. Раскинутые в стороны руки оказались к чему-то накрепко привязаны, ноги тоже. Все тело горело и саднило ноющей болью. Рядом с ним, опираясь на копья, стояли четыре римских legionera в кожаных панцирях и шлемах с болтающимися нащечниками, на поясе у каждого – короткий меч.

«Где я?» – Иван попытался вспомнить предыдущий день и вечер и не обнаружил ничего, что могло быть причиной его теперешнего положения.

«Это реконструкция! – догадался он, облегченно вздохнув. – Но почему я ничего не помню?» – Иван повернул голову и вскрикнул от боли. Что-то острое впилося в кожу в области затылка.

«О Господи, что со мной?» – Иван осторожно скосил глаза и увидел у виска туго сплетенные ветви с длинными шипами, имевшими прочное основание и острое, как жало, окончание.

– Эй, шутники, с ума посходили? – попытался крикнуть

Иван, но вместо этого из груди у него вырвался лишь слабый хрип.

На небе не было ни облачка. Солнце поднялось уже довольно высоко и сильно припекало. Стараясь не шевелить головой, Иван попытался осмотреться. Недалеко от него замерла большая толпа мужчин и женщин. Рядом с легионерами стояла группка богато одетых людей.

«Первосвященники», – машинально отметил Иван.

– Почему народ молчит? Это плохо, – задумчиво произнес один из них.

«Почему я знаю, что это первосвященники и говорят они на арамейском?! Почему я уверен, что рядом стоят римские воины? Я сплю! Поэтому и крикнуть не могу. Нужно немедленно просыпаться», – Иван несколько раз крепко зажмурил и открыл глаза.

Но ничего не изменилось. Он продолжал лежать, окруженный толпой. Кто-то рассматривал его с любопытством, кто-то с ненавистью, но у большинства в глазах таились страх и сострадание. Боковым зрением Иван уловил слева от себя какое-то движение. Одетый во все черное человек с капюшоном на голове медленно опустился на колени у его левой ладони. На Ивана он смотрел почти ласково. Порывшись в сумке, человек извлек небольшую кувалду, затем длинный толстый четырехгранный гвоздь, больше похожий на железнодорожный костыль, которым крепят к шпалам рельсы, только тоньше. Человек поднял гвоздь над головой.

Из толпы раздались выкрики: «Он не Мессия, ибо закон Моисея гласит – проклят всяк висящий на древе», «Других спасал, а себя самого не может!», «Именующий себя сыном Божьим сейчас будет распят вместе со злодеями!» Выкрики сопровождались хохотом и улюлюканьем, усиливающимися с каждым мгновением. Человек в черном опустил гвоздь на запястье и с силой надавил. Пальцы Ивана безвольно разжались.

– Остановись! Кто-то скачет, – раздался рядом властный голос, – вдруг помилуют.

Все дружно повернули головы в сторону, откуда раздавался топот копыт. К Ивану подошел воин в шлеме, украшенном гребнем из конских волос.

«Сотник», – машинально подумал Иван, уже не удивляясь своим новым познаниям. Всадник передал воину квадратную табличку, на которой на арамейском, греческом и латинском было написано: «Сей есть Царь Иудейский».

– Вот теперь понятно, кто ты. Сегодня твой Бог отвернулся от тебя, впрочем, удача тоже. Чем же ты его так обидел? – сотник протянул табличку человеку в черном. – Прибивай!

– Погодите, погодите, – к сотнику быстро приблизился первосвященник. – Здесь ошибка. Он не наш царь. Нужно написать так, как он сам говорил: «Я – Ваш Царь Иудейский!»

– Это не мои проблемы, – хохотнул сотник. – Прокуратор умен и, вероятно, хочет, чтобы все гости, приехавшие на

праздник Пасхи, узнали, как вы, евреи, поступаете со своими царями.

– Остановись, не прибивай, мы уже направили прокуратору легацию.

– Приказы я исполняю, а не обсуждаю. Что стоишь, оглох?! – человек в черном подобострастно схватил табличку и ловко приколотил ее к вершине креста.

Высоко-высоко в небе, похожие на маленькие распятия, кружили три птицы.

«Стервятники», – обреченно подумал Иван.

Человек в черном снова нащупал гвоздем точку на запястье и вдруг, практически без замаха, точно и сильно ударил по шляпке, пробив гвоздем руку и глубоко вогнав его в дерево.

Толпа ахнула и шатнулась вперед.

Боли Иван не ощутил. Так часто бывает, когда, неожиданно вонзаясь в тело, острое не разрывает, а раздвигает мышцы. Однажды в юности на сенокосе Ивану пробили ступню тупыми вилами. Он и не понял поначалу ничего. Боль пришла потом, тягучая, долгая. Вот и в этот раз Иван только ощутил, как по телу разливается предательская слабость, ибо мозг мгновенно получил сигнал о ранении.

– Почему он до сих пор не орет? – спросил сотник у палача.

– Корону царскую нужно поправить, – прокричал палач и едва слышно прошептал: – Ты лучше не геройствуй, а ру-

гайся. Тебе полегче будет.

Иван поморщился от тяжелого аромата лука, перегара и еще чего-то, похожего на вонь гниющего мяса. Палач осторожно запустил пальцы в то, что было на голове Ивана, и резко рванул вниз, одновременно слегка поворачивая. Иван даже услышал, как острые шипы скрежещут по костям черепа. Дикий вопль вырвался из его груди. Руки инстинктивно дернулись к голове, и новая мощная волна боли от пробитого запястья мгновенно разлилась по всему телу.

– Вот-вот, кричи громче, и ругайся обязательно, от этого легче становится. Когда подвесим, уже не поорешь, там вздохнуть будет тяжело.

– Что у меня с головой?

– Как что? Венец терновый на ней, или корона. Это уж как тебе больше нравится.

– Почему венец?

– Потому что осужден ты на распятие, Иисус Назарей.

– Я – Иисус?! Я – Иван Петров, – прокричал Иван. Но из горла снова исторглись лишь булькающие хрипы.

«Господи, что происходит? Как же проснуться? – Боль понемногу стала уходить. – Почему меня принимают за Иисуса? У меня бороды-то никогда не было, – Иван осторожно придавил подбородок к груди и с изумлением ощутил, что тот покрыт густыми шелковистыми волосами. – Может быть, я оказался в параллельной реальности?»

Как хирург Иван отчетливо понимал, что гвоздь прошел

через пространство Досота на запястье, скорее всего, не повредив окружающие кости. Еще когда палач поднял его над головой, Иван отметил, что острие особым образом скруглено, как у акупунктурных игл, чтобы по большей части не рвать, а раздвигать мышцы и кости. Словно сквозь вату, он слышал перебранку первосвященников.

– Смотрите! Они соперереживают Назарею! Но закон запрещает сострадать ведомому на казнь.

– Платить нужно больше своим людям.

– Срочно будоражьте народ, как бы чего не вышло.

– Ты за что деньги взял?! – По всей видимости, это относилось уже к человеку в черном.

Палач не спеша поднял кувалду, несколько секунд держал ее на потребу зевакам, а затем молниеносно ударил по широкой шляпке, пригвоздив Иваново запястье к перекладине креста. Чудовищная боль мгновенно пробила по всей руке, затем дальше – в голову и брызнула из глаз яркими искрами. Иван закричал во всю силу легких, но услышал лишь рев толпы. Тело покрылось испариной. Приподняв голову, Иван изумленно смотрел на свою прибитую к доске руку и вдруг обнаружил, что большой палец прилип к ладони. Значит, поврежден медиальный нерв. Стала понятна причина нестерпимой боли.

Палач между тем приготовил второй гвоздь. Отряхнув пыль с колен, он, не спеша, направился к правой руке. В этот раз Иван, ожидавший удара, забился от страха. Толпа в от-

вет взревела и снова шатнулась вперед, солдаты угрожающе потянулись к рукояткам мечей, а палач уже неспешно исполнял свою работу, вколачивая гвоздь в правое запястье.

– Смерть! Смерть! Смерть! – послышалось снова.

Особенно бесновался высокий человек, по самые глаза заросший черной курчавой бородой. Давно немые космы беспорядочно металась вокруг плата. Лихорадочно блестящие глаза неотрывно смотрели на Ивана. Крича, он то пытался рвать свои рубахи, то плевал в пыль, то потрясал громадными кулаками:

– Сын Божий! Где твой Отец? Зови! Что же он тебе не помогает?! – вопил бородатый, заходясь истерическим хохотом. – Царь Иудейский! Где твоё войско? Кто тебя защитит? Сейчас подвешат тебя и проклянешь ты своего Бога. Только чтобы услышать это, мы не просили вырвать твой поганый язык.

Стараясь не шевелить головой, Иван осмотрел правую руку. Большой палец и здесь прижался к ладони. «Значит, нерв тоже поврежден. Как же я буду делать операции?» Иван вдруг понял, что относится к происходящему, как к реальности. От этого открытия он запаниковал.

«Ох, больно-то как! Неужели Иисус все это испытал? Зачем Бог отец обрек своего сына на такие чудовищные муки? Какой в этом был смысл?» – Иван облизал пересохшие, растрескавшиеся губы и понял, что без воды долго не протянет.

Между тем два солдата просунули древко копья ему под

колени и начали его приподнимать, а палач поставил Ивановы ступни на небольшой выступ, крепко их привязал и деловито пригвоздил к нему сначала одну ступню, потом вторую. Солдаты приподняли крест, чтобы палач смог загнуть вылезшие из досок гвозди. Упершись в столб, легионеры ловко поставили его в яму, закрепив с помощью горки заранее подготовленных камней.

Когда крест ухнул вниз, от болевого шока Ивана спасло то, что руки все еще были крепко к нему привязаны.

Наконец-то он смог осмотреться, безболезненно поворачивая голову. Все его тело было сплошь покрыто длинными, уже начинающими рубцеваться ранами. Кое-где выступали капельки сукровицы.

Метрах в двухстах были видны Судные ворота Иерусалима, рядом с ними небольшой проход «Иголье ушко» для стремящихся попасть в город после их закрытия. От ворот в обе стороны тянулись сложенные из песчаника мощные стены. За ними царил над городом отделанный белым мрамором Иерусалимский храм. Вплотную к нему примыкала возведенная на скале крепость Антония с четырьмя грозными башнями.

Холмистая местность вокруг Иерусалима была покрыта скудной растительностью. Кое-где виднелись оливковые рощицы. Толпа, окружившая место казни, была громадной, но крест воздвигли на самой высокой точке Голгофы, и виден он был всем. Слева и справа висели два уже распятых раз-

бойника. Стервятники снизились. Видимо, водружение крестов было для них своеобразным сигналом. Трупы казненных часто сбрасывали в яму неподалеку, и птицам было чем поживиться.

«Смерть! Смерть! Смерть!» – скандировала толпа. Сотник долго смотрел Ивану в глаза, потом скомандовал: «Развязывайте!»

Солдаты одновременно рванули свисавшие с перекладин концы веревок. Краем глаз Иван увидел, как они, изящно извиваясь, стали медленно падать на землю. Руки, освободившиеся от пут, не успели среагировать, Ивана бросило вперед и вниз, и он всем телом повис на пробитых гвоздями запястьях. Спасительная тьма мягко укутала его сознание, предотвращая гибель от болевого шока.

Глава 2

Показ модного белья достиг апогея. Шесть молоденьких девушек и шесть юношей изящно дефилировали по подиуму в едва прикрывающих интимные места нарядах. Бориса все сильнее охватывало ликование. Ему недавно исполнилось тридцать три года, а он уже известный, нет, знаменитый на весь мир ученый и очень, очень богатый человек. Только что в тайной комнате их особняка завершилось совещание, на котором присутствовали Селезнёв – заместитель руководителя администрации президента, курировавший силовой блок, замминистра внутренних дел Семёнов, олигарх новой волны Куприянов, сам Борис, Клавдия Константиновна – его

теща, инициатор и мозг совещания. И еще четверо мужчин в возрасте, которых Борис смутно помнил.

– Возглавляют масонские ложи, – шепнула ему Клавдия Константиновна, знакомя.

С тем, что христианские заповеди устарели, а у общества есть запрос на их реформирование, согласились все, но вызвал недоумение предложенный Клавдией Константиновной план изменения: представить при большом скоплении народа нового мессию. Отмеченный неким божественным знаком человек становится свидетелем снисхождения на мессию святого духа и сообщает всем эту радостную весть. Процесс сопровождается некими спецэффектами. С помощью чипов у собравшихся формируется состояние ликования, заставляющее людей поверить в реальность происходящего. Событие широко комментируется в прессе. Бюджет для этого уже сформирован. Задача мессии – предъявить христианскому миру новую трактовку заповедей.

– Снова библейский сюжет. Ничего более оригинального придумать не смогли? – вступил в дискуссию Селезнёв.

– Я размышляю над этим уже не один месяц, – Клавдия Константиновна недовольно поморщилась, – и все больше и больше убеждаюсь в гениальности этого сценария: народ один раз поверил, вот и снова поверит.

– Иудеи как раз не поверили.

– Я хорошо изучила эту историю. Во-первых, многие поверили. За Иисусом ходили тысячи, а иногда и десятки ты-

сяч.

– Однако евреи остались иудеями, – съехидничал Селезнёв.

– У меня сложилось стойкое убеждение, что в Израиле власть предержавшие в борьбе с христианством успешно применили принцип «если не можешь победить толпу – возглавь её», – усмехнулась Клавдия Константиновна.

– Вы имеете в виду самоназвавшегося апостола Павла?

– И его, и трижды за одну ночь отрекшегося от Христа Петра.

Но чем дольше шло обсуждение, тем больше присутствующие убеждались в гениальности плана, и в конце концов с ним согласились все. Борис по большей части молчал. Клавдия Константиновна в самом начале объявила его соавтором. «Я и Борис Петрович разработали...» Борис хотел возразить, но закрутившаяся интрига увлекла. К концу совещания он уже с благодарностью посматривал на тещу.

– Я сделаю тебя президентом, – шепнула она, уходя. Показ новых веяний в нижнем белье ее не интересовал. – Пр продемонстрируй им мощь своего открытия сам.

– Господа, минуту внимания, – Борис встал. – Девушки – девственницы, юноши, впрочем, тоже, им всем уже исполнилось шестнадцать лет. Они подписали соглашение о добровольном вступлении в интимный контакт. Свои данные в договор вы можете внести в любое время. Соглашение в единственном экземпляре. Девушки и юноши чипированы. У вас

есть уникальная возможность протестировать мое открытие. Я сейчас вызову у них легкое сексуальное возбуждение. Меняя длину и амплитуду волн, можно усиливать или ослаблять любые эмоции: страх, ненависть, эйфорию и другие.

Борис установил на пульте минимальную интенсивность. Однако щеки моделей тут же зарумянились, в глазах появился блеск, некоторые принялись легонько поглаживать себя, смущенно переглядываясь.

– Вы видите эффект. В ваших апартаментах на столах аналогичные приборы. Красная кнопка – усиление влечения, зеленая – уменьшение. Радиус действия – шесть метров. Можете воспользоваться масками. Они слева на полке, в пакетиках. Все модели здоровы, их сердце справится с интенсивностью и в десять единиц, но лучше не злоупотреблять. Есть небольшое но: после резкого прекращения воздействия чипированный человек непродолжительное время начинает испытывать противоположные чувства. Поэтому лучше оставить прибор включенным на единицу. Он выдержал небольшую паузу и негромко промолвил:

– Модели готовы, можете выбирать. Приятного отдыха.

Борис осторожно открыл дверь своих апартаментов и увидел ее. Она была совершенством и... совершенно голая. Белокурые волосы до пояса, статная фигура, большие голубые глаза, приличная грудь торчком. Борис почувствовал, как его обдало жаром. Несмотря на свои богатство и известность он до сих пор был верен жене. И не потому, что боялся по-

следствий, а потому, что любил свою Лизу до беспамятства. Один только звук ее голоса часто заставлял сердце колотиться в сумасшедшем темпе. Но здесь особый случай. Нужно проверить работу прибора в экстремальных условиях. Борис всеми силами пытался спрятать от себя подальше другие причины: красоту, молодость, а главное – девственность модели, – но окончательно обмануть себя не получалось. Совесть едва заметно, но постоянно вносила дискомфорт. Однако его неотвратимо влекло в этот омут, и он, покорившись, перестал сопротивляться. Борис почувствовал, как вспотели то ли от страха перед изменой, то ли от вожделения ладони, и суетливо выставил на шкале четверочку. Девушка некоторое время с интересом рассматривала Бориса, затем подошла к кровати и полулегла, облокотившись на подушку.

«Интересно, что она будет делать?» – Борис неподвижно стоял у входа.

– Смотри, какое роскошное ложе, – она погладила ладонью перед собой, приглашая Бориса. – Как тебя можно называть?

– Человек.

– Странное имя...

– Ты девственница?

– Да, показать?

– Нет, не стоит.

– Кстати, с удовольствием с ней расстанусь, – девушка принялась легонько ласкать свою грудь, затем ее рука плав-

но опустилась ниже. Начавшийся было у Бориса прилив возбуждения мигом испарился. Несколько секунд он с недоумением смотрел на похотливые движения модели, затем подошел к столу и плюхнулся в кресло.

«А что ты хотел? Чип работает, радуйся, – он ощутил, как на него накатывает волна раздражения. – Прогнать ее, что ли?»

Размышляя, Борис и не заметил, как юная особа оказалась рядом. Глаза ее полыхали, а похоть властвовала телом.

– Что же ты такой нерешительный, Человек? Вина можно?

– Тебе сколько лет?

– Ты же знаешь – шестнадцать.

– Рано еще алкоголем увлекаться.

– А голой стоять перед тобой, Человек, не рано?

Борис с интересом посмотрел на нее, плеснув в бокал вина. Она жадно выпила.

– Еще.

Борис снова налил. Девушка, грациозно изогнувшись, подхватила бокал, слегка пригубила и одним движением оседлала его колени. Борису стало не по себе от близости ее жаркого тела.

«Вот она, современная девственность – не драгоценность, а ноша. А если увеличить интенсивность?» – Борис перевел регулятор на семерку.

– Что же ты меня не берешь, я скоро расплаволюсь от желания.

Она скользнула с колен на пол и принялась торопливо расстегивать ремень его брюк.

– Вот оно что! Думаешь, я не знаю, что делать? Я давно все знаю.

Борис с силой оттолкнул девушку и выключил прибор.

– Уходи.

Девушка удивленно заморгала, озираясь вокруг. Яркий румянец мгновенно окрасил ее щеки. Все шло как по графику. Воздействие чипа прекратилось – и наступил непродолжительный период стыдливости.

– Ой, простите, что это со мной? Где моя одежда?

Она неловко попыталась прикрыть наготу руками.

– Одежда на кресле, в углу.

Девушка стала судорожно натягивать белье. И тут на Бориса накатило. Боясь спугнуть момент, он крадучись пошел к ней. Девушка на мгновение застыла. Борис попытался поймать ее за руку и тут же практически растянулся на полу от сильного толчка в грудь, но, проворно вскочив, он не дал ей выбраться из угла. Девушка яростно сопротивлялась, молотя кулаками куда попало. Борис никак не мог поймать ее руки, раздражаясь из-за этого все сильнее. Окончательно рассвирепев, он с силой ткнул кулаком в область солнечного сплетения. Девушка на мгновение застыла, широко раскрыв рот в попытке вдохнуть, а затем, прижав руки к животу, стала медленно оседать. Борис легко подхватил ее и бросил грудью на спинку кресла. От мощного рывка белье разлетелось,

словно прогнившие нитки.

– Наверное, специально так шьют сволочи!

Девушка вдруг очнулась, но он придавил ее обеими руками. Плоть Бориса просто окаменела.

«Фантастика, такого с юности не было», – подумал он и в то же мгновение ощутил, как ее ногти буквально впились в бедра, раздирая кожу.

– Ах ты стерва! – Борис грубо заломил руки девушки за спину, быстро связав запястья попавшимся на глаза красным шифоновым шарфом.

– Ну держись! – и он медленно, растягивая удовольствие, стал входить в ее пылающую плоть.

Оргазм накрыл его сразу. В этот момент девушка взвизгнула как-то некрасиво, по-пороссячи.

– Вот дрянь! Все испортила!

Он схватил связанные за спиной запястья и с силой рванул их вверх. В плечах у нее что-то жутковато хрустнуло, и дикий крик боли заполнил все пространство.

Борис вдруг осознал, что его плоть снова окрепла, а он в сумасшедшем темпе насилует девушку. Мощнейший оргазм затуманил его рассудок.

Очнулся он, обнаружив себя лежащим на полу. Рядом, всхлипывая, стояла девушка.

«Что же я творю! Какой же я скот!» – он быстро развязал ей руки. И тут его внимание привлекла тонкая красная струйка. Рывками, как бы пульсируя, она медленно стека-

ла по внутренней стороне ее бедра. Борис даже ощутил этот дурманящий запах крови. Лихорадочное возбуждение, то самое, давно забытое, снова захватило его. Он быстро метнулся к прибору, поставил сексуальное влечение на максимум и медленно двинулся к уже раскрывающимся пухлым девичьим губам.

Глава 3

Иван с удивлением рассматривал мигающие зеленые цифры электронного будильника, показывающего чуть больше четырех утра. Он долго лежал неподвижно, приходя в себя от только что пережитого, пусть даже и во сне. Рядом тихонько посапывала Ева. Первые солнечные лучи кое-где пробивались сквозь плотные шторы.

«Какой ужасный и какой явственный сон, – Иван испуганно пошевелил пальцами рук и ног. – Слава богу, все в порядке!»

Медианный нерв функционировал исправно, но места, пробитые во сне гвоздями, саднили все сильнее. Иван поднес руки к глазам и удивленно вскрикнул. С обеих сторон запястий красовалось по темному пятну. Он быстро подошел к окну, отодвинул штору и в утреннем солнечном свете увидел влажные от сукровицы ранки сантиметра полтора в диаметре.

«У меня что, стигматы?» – Иван посмотрел на ступни и похолодел: стигматы на них проступали менее отчетливо, но багровые круги виднелись там тоже.

– Ванечка, ну что ты так рано встал, штору хотя бы закрой, – Ева с головой укрылась одеялом.

– Посмотри, что со мной происходит.

Ева резко села, испуганно уставившись на него. Иван показал ей запястья.

– О боже, что это? Проказа?

– Нет, у лепры иные признаки. Похоже, у меня стигматы. Насколько я помню, они появляются после сильных психических переживаний, связанных с распятием Христа. После восстановления нормального состояния исчезают. Иногда могут возникать снова, – Иван пересказал сон.

– Нужно посмотреть в интернете, – Ева включила планшет.

Поиски ничего нового не дали. Много было мошенников, но случались, вероятно, и настоящие проявления стигматов. Одно было ясно – данный феномен наукой изучен плохо.

– Ванечка, наклонись ко мне, – Ева осторожно откинула у него волосы со лба, и по выражению ее лица Иван понял, что там тоже следы от ран.

– Сильно проступили?

– Порядочно. Ты чувствуешь какой-то удивительно приятный аромат?

– Да, еще когда проснулся. Не могу понять, откуда он.

– Дай-ка руку, – Ева осторожно втянула в себя воздух. – Это от них. С ума сойти!

Они долго рассматривали стигматы и никак не могли ре-

шить, что предпринять. С большими пальцами рук все же творилось неладное. Функционировали они нормально, но в расслабленном состоянии слегка припадали к ладони.

– Погоди, – Ева принесла с кухни бактерицидную мазью.

– Для начала обработай только краешек, – Иван протянул руку ладонью вверх.

– Хорошо, – Ева едва коснулась тампоном стигмата, как Иван, вскрикнув, принялся усиленно трясти рукой, дую на ранку.

– Ух ты! Ощущение, что это не мазь, а раскаленный паяльник.

– Что же делать? Тебе раньше подобное снилось?

– Нет...

– Вчера какие-то необычные вещи происходили?

– Не припомню. Хотя был странный момент. Мы закончили операцию, Вика приготовила чай, и после него мне очень захотелось спать. Я даже заснул в кресле. Она меня разбудила, напоила крепким кофе, я приехал домой, снова уснул и вот только проснулся. Операция была пустяковой. Ты можешь себе представить, чтобы я спал одиннадцать часов?

– Действительно странно, могу объяснить это только действием снотворного.

– Откуда? После операции, кроме чая, я ничего не пил и не ел. Вика тоже чашку выпила. С ней-то все в порядке.

– Ванечка, самое разумное сейчас не суетиться. Давай стигматы забинтуем, поедem в твою клинику, сдадим кровь

на анализы. Если в ней обнаружатся следы снотворного, Вике придется объясниться.

– Вика подсыпала мне снотворное? Смешно! Никогда не поверю! Потом, еще пяти нет, поехали хотя бы к семи.

– Сейчас имеет значение каждая секунда. Одевайся, а я пойду что-нибудь приготовлю. После таких потрясений силы нужно восстанавливать.

Так и сделали. Иван попросил медсестру результаты анализа в базу не вносить, а отдать лично ему.

Глава 4

Левая рука девушки висела плетью.

– Сейчас, сейчас, – испугавшись, засуетился Борис.

«Что на меня нашло? Все же должно было происходить без насилия. Зачем я сам осознанно спровоцировал всплеск стыдливости, выключив прибор?»

Борис осторожно осмотрел ее плечо. Судя по всему, вывих был пустяковым. Он легко мог с ним справиться. Это искусство ему передал дед, известный на всю округу костоправ. Но к девушке обязательно появятся вопросы у родственников, подруг, знакомых. Вывих за «шесть секунд» не лечится, здесь нужна минимум неделя.

«А если проболтается! Впрочем, теща все легко замнет. Однако узнает подробности».

До сих пор ему удавалось выскользывать из стальных объятий Клавдии Константиновны, но в этот раз он точно попал. Панические мысли одна страшнее другой теснились в

голове. Самое правильное – как следует ее запугать, решил Борис.

– Тебя как зовут?

– Таня. Зачем вы так?

– Тебе заплатили большие деньги. Я сделал два величайших открытия, и одно из них с твоей помощью сегодня тестировали. Плечо болит?

– Очень, рукой шевельнуть невозможно, отвезите меня в травмпункт.

– Сейчас боль пройдет, потерпи немного.

«Да где же этот пульт! Ага, вот он», – Борис набрал зону удовольствия и поставил семерку. Девушка удивленно осмотрелась, дернула рукой и скривилась от боли. «Так, сектор уменьшения болевого порога – здесь десяточку».

– Ложись на пол.

– Я больше не хочу, – девушка быстро отскочила за кресло.

– Таня, у тебя вывих, я просто хочу вправить плечо.

– Я вам не верю.

– Глупая, смотри, я ложусь на пол, а ты валетом рядом, но больной рукой ко мне.

– Вы не извращенец?

– Поздно гадать, быстро на пол, – строго прикрикнул Борис.

Девушка наконец послушалась. Борис взял обеими руками ее запястье, осторожно отвел в сторону, установил свою

пятку ей под мышку, резко дернул руку и мгновенно отпустил. Негромкий хруст в плечевом суставе просигнализировал, что кость встала на место.

– Ну вот, а ты боялась. Давай помогу встать. Рукой немного пошевели. Лучше?

– Совсем не болит.

– Руку дня три ничем не нагружай, – Борис взял роскошный красный шарф. – Это твое?

– Нет, что вы, он же очень дорогой. У меня таких денег никогда не было. В нашем классе...

– Стоп, стоп, об этом в следующий раз, – Борис густо покраснел: быстро он до школьниц опустился.

– А вы мне опять столько денег заплатите? – Вопрос прозвучал так наивно, по-детски, что лицо его полыхнуло огнем.

– Следующего раза не будет, я же сказал: это тестирование моего открытия. Оно закончилось успешно. А тебе торговать своим телом не советую.

– У нас в классе некоторые уже со всеми переспали за просто так.

– Неужели тебе понравилось?

– Нет, нет, что вы.

– Вот видишь, а когда занимаешься сексом с любимым человеком, то испытываешь потрясающие ощущения. Хотя твое воспитание в условия договора не входит. И помни: если о том, что здесь было, станет кому-нибудь известно, у тебя отберут деньги и выставят штраф на пять миллионов, как

сказано в договоре, который ты подписала.

– Я никому не скажу, даже маме.

– Маме нельзя говорить в первую очередь, она сразу отберет у тебя деньги. Никому и никогда – повтори!

– Никому и никогда, – послушно повторила Таня.

– Будут спрашивать про руку, скажешь, что упала.

– Хорошо. А деньги я могу тратить?

– До совершеннолетия имеешь право использовать ежегодно до ста тысяч на одежду, учебу, лечение. Дальше твои проблемы, но если договор нарушишь, то долги отработаешь где-нибудь в Африке в публичном доме, скорее всего, там и дни свои закончишь... Нужно зафиксировать руку, – Борис стал делать из шарфа петлю.

– Не подходите ко мне, я закричу! – От охватившего девушку ужаса она затряслась словно в лихорадке.

– Вот дура, набрось шарф на шею, а руку просунь в петлю.

– Можете его кинуть?

– Лови.

– Спасибо. Подождите чуть-чуть, я его красиво сделаю?

А как мне вернуть шарф?

– Считай это подарком.

Таня подскочила к зеркалу и долго крутила его вокруг своей потрясающе красивой шейки.

– Все, заканчивай, у меня времени больше нет. Иди прямо по коридору до лестницы. Внизу охраннику скажешь «номер

один». Тебя отвезут домой.

– На такой же крутой тачке?

– Все, все, иди уже!

После душа к нему вернулась способность рассуждать спокойно.

«Запугал я ее прилично, никому ничего она не расскажет. Как хорошо, что маску надел. Она меня даже опознать не сможет.

А про открытия зря ляпнул. Вот уж воистину – язык мой враг мой».

Борис сладко вытянулся на кровати, вновь и вновь вспоминая и переживая накрывший его мощнейший оргазм. Это было, пожалуй, острее всего когда-либо им испытанного.

«Есть все-таки в юности пылкость, и, как ни старайся, с возрастом она быстро подменяется обыденностью. Хотя при чем здесь юность, торкнуло-то меня от ее крика, от запаха и вида крови. Раньше такого со мной не случилось. Я превращаюсь в садиста?»

Борис был убежден, что где-то глубоко в каждом из нас запрятаны все пороки, известные человечеству. У одних они вырываются наружу, у других – под надежным замком. Но каждому человеку все равно время от времени они дают о себе знать в снах или в мыслях. Господь устроил так, что человек постоянно испытывается. Испытатели бессмертны, а за время своего существования накопили громадный опыт,

чаще всего изоощренный. И в битве с ними выходят победителями лишь люди, сумевшие не поддаться искушению.

«Странно, почему я так завелся, на меня вид крови никогда особо не действовал».

Еще в молодости Борис увидел, как сбита машина женщина попыталась подняться, но ее нога переломила, и, протыкая кожу, вывалилась наружу страшными острыми краями берцовая кость. Кровь из раны хлестала струей. Он единственный из пассажиров остановившегося автобуса не растерялся, набросил на ногу петлю из своего ремня и держал до приезда скорой. Крики, стоны, кого-то обильно тошнило. Врач потом пыталась сунуть ему нашатырь, предлагала сделать укол, но он отказался. В этом не было необходимости. Одного он испугался: это ему будет сниться. Но ни разу не приснилось. Словно сработал какой-то защитный механизм.

«Это все Клавдия Константиновна с ее связями и бешеное количество денег – отсюда вседозволенность. Нужно немедленно завязывать с сомнительными опытами. Пора загонять себя в прежние рамки».

Но злая червоточинка, незаметно появившись, не давала покоя. Сможет ли? Это как с Адамом – когда, нарушив запрет, он надкусил яблоко от древа познания. Господь изгнал его из рая не за этот проступок. Наказывать ребенка нужно, но нужно так или иначе прощать. Господь изгнал Адама потому, что понял: остановиться наш прародитель уже не смо-

жет.

«С другой стороны, я же не стал ее душить! А мысль накинута шарф на шею и немного попугать все-таки промелькнула. Откуда он появился? Перед собранием я сам проверил комнату – не было никакого шарфа. Завтра службу безопасности озадачу, нужно выяснить, кто сюда посмел войти... Интересно, а что она испытывала».

С этой мыслью он и заснул. Снилось ему Италия, вернее Рим. Словно стоит он в одном из подземных помещений Колизея, окруженный мрачной пустотой сырых стен. Вдруг его внимание привлекло едва заметное шевеление. К нему по воздуху, медленно извиваясь, словно удав, приближался темно-серый сгусток длиной не более двух метров, а шириной сантиметров тридцать. И было в нем нечто угрожающее, нечто парализующее волю. Бориса охватил животный ужас. Он точно знал, что это существо из потустороннего мира и оно хочет вползти в него, завладеть его существом. Борис понимал, что спит, но также понимал: происходящее – это реальность. Он безуспешно пытался очнуться, а сгусток неумолимо приближался и уже почти коснулся головы.

– Господи, помилуй, спаси и сохрани! – завопил он во всю силу легких молитовку, которую очень часто в детстве слышал от бабушки.

И вдруг откуда-то донесся с каждой секундой усиливающийся колокольный перезвон. Оцепенение спало. Борис вскочил, словно ужаленный. С яркого экрана телефона, ле-

жащего на прикроватной тумбочке, на него смотрело улыбающееся лицо его любимой женщины, его Лизы. Борис специально только для ее звонков установил эту мелодию. Опасаясь прервать колокольный звон, он боязливо осмотрелся. Борис ни на мгновение не усомнился в реальности происшедшего во сне и долго к себе прислушивался, пытаясь понять, удалось ли вползти в него хотя бы частичке этой мерзости. Экран телефона начал медленно гаснуть, и Борис окончательно пришел в себя. Лихорадочно набрав вызов, он почти закричал:

– Любимая, прости, устал и заснул.

– С тобой все в порядке?

– Да, а что?

– Голос у тебя взволнованный. Как-то тревожно мне.

– С чего бы?

– Сама не понимаю, вдруг накатило, страшно за тебя стало.

– Не волнуйся, уже выезжаю.

«Любовь всей моей жизни, в кого я превращаюсь, почему поддался искушению!? Это все Клавдия Константиновна! Так, я начинаю уподобляться ребенку, у которого все вокруг виноваты. Себе-то зачем врать! Сам предложил устроить тестирование открытия для нужных людей. Она лишь, как всегда, из пустого шоу устроила гениальное по сути и дьявольское по содержанию действо. Может быть, поэтому в меня пытался вселиться Демон. Если бы не звонок Лизы...»

Борис почувствовал, как от вновь накатившей волны ужаса его тело покрывается гусиной кожей.

А по ту сторону нашего мира Демон усиленно тряс головой, пытаясь избавиться от застрявшего в ушах колокольного звона.

– Создатель, ну почему ты такой милостивый? Этой душе я готовлю место в самых кошмарных уголках ада.

...

– Почему не время?

...

– Конечно, не мне это решать, но... Все, все, больше не возражаю, только в следующий раз я вместо шарфа...

...

– Вот всегда так! Хотя зачем ему выслушивать мои планы. Он точно знает, как и что произойдет.

Глава 5

Увидев стигматы, главный врач клиники немедленно созвал консилиум, предварительно разослав участникам их фото с кратким описанием случившегося. Собравшиеся светила ничего путного сказать не могли, воспроизводя с важным видом уже известные из интернета сведения.

К концу совещания подоспели результаты предварительного анализа мазков из ранок. И здесь участники стали свидетелями сенсации, даже двух: в стигматических ранках не было ни одной бактерии, а в сукровице, помимо частиц крови, обнаружили неизвестную жидкость без цвета, но с уди-

вительным запахом. Заместитель директора по научной работе неожиданно предложила на один из стигматов посеять что-нибудь не болезнетворное, однако эта идея с возмущением была отвергнута.

Иван согласился временно остаться в клинике для более детальных исследований. От операций его пока отстранили. Иван пошел в свой кабинет, чувствуя, что силы на исходе. Суетность от переживаний стала понемногу проходить. Иван собрался хорошенько обдумать случившееся, но к нему потянулись сотрудники центра с просьбами «расскажи да покажи». В конце концов всех ходяков он выпроводил, запер дверь на ключ и улегся на кушетку.

«Как же было больно и как хотелось пить! Если Христос сын Бога, то какой смысл в этом жесточайшем акте?»

Иван включил компьютер. В интернете нашлось несколько трактовок необходимости распятия, сводившихся в результате к одному – Иисус Христос своей кровью искупил грехи человечества. А зачем? Человеческая природа не изменилась после этого! Человек отнюдь не перестал грешить.

Медсестра принесла анализ крови, в котором Иван с удивлением увидел приличную дозу снотворного. Никто из сотрудников Вику сегодня утром не видел, ее телефон находился вне зоны действия сети. Все отчетливее в сознании Ивана складывалась довольно неприглядная картина – скорее всего, не без участия Вики его усыпили. Зачем? Какие манипуляции с ним проводили?

Вика! Как она могла на такое решиться! Столько лет бок о бок в операционной. Иван иногда в шутку говорил о ней: моя надежная правая рука.

«Здесь что-то не так, не вписывается этот поступок ни в ее облик, ни в характер. Какой мотив? Деньги? Вряд ли. Зарабатывает она очень прилично. Квартира, машина, дача, сын в престижном лицее. Соглашаясь на это, она понимала, что все быстро вскроется и на карьере хирурга придется поставить жирный крест. Столько сразу потерять! Значит, угроза была серьезная. Чем шантажировали? Что им от меня нужно? Почему Вика не отвечает на звонки? Может быть, ее уже убили?..» Вдруг телефон просигналил о получении голосового сообщения.

«Ванечка, прости! Я тебя усыпила, а потом чипировала. У них был мой сын. Кто за этим стоит, не знаю. Мне удалось ускользнуть. Какое-то время вынуждена буду скрываться. Еще раз прости», – звенящий от напряжения голос Вики еще какое-то время не отпускал Ивана.

«Что же происходит? Кому и зачем понадобилось меня чипировать?» – эти и другие вопросы вихрем крутились в его голове, не получая ответа.

Глава 6

Двенадцать лет назад, с отличием окончив школу, Борис без особых проблем стал студентом-бюджетником биологического факультета МГУ. Блестяще защитив дипломную работу по проблемам старения, он был принят в НИИ «Долго-

летие», учрежденный известным олигархом.

Три года Борис выполнял мелкие поручения. Это ему изрядно надоело, и он решил уволиться. Директор принялся уговаривать Бориса забрать заявление. Олигарх сам курировал кадровую политику, поэтому уход перспективного молодого ученого грозил разбирательством. Так Борис получил самостоятельную тему – исследование слюны пиявки. Финансирования практически не было, даже пиявок Борис покупал сам, но приборная база соответствовала мировому уровню, а тема увлекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.